

Заметки на полах

Что-то не нравится мне все вокруг... Фамилию, что ли, сменить? Или образ жизни?

Забавная у меня соседка: квартирка у нее малюсенькая, дочка совсем маленькая. И сама соседка меньше девочки-японки. Им бы еще маленького папу. Нету.

Перенес операцию по перемене пола. Заодно стены побелел. Вот, лежу, гляжу в потолок: надо бы и его...

Только что видел старушку знакомую. Старушка за хлебом шла, а хлеб прямо перед ней кончился. Оплакала она его по обычаю и пошла за молоком: долго шла — не смогла догнать. Плюнула с досады, повернулась — и домой.

Всю ночь два ежа топотали на чердаке. Да так деловито, шумно. То ли ремонт делали, то ли большую уборку. А может, разводятся, имущество делили. Вообще мне ежи нравятся: спокойные такие, нешумные соседи. Только вот топочут иногда... Да я все равно не спал — не хотелось что-то.

Нет, нравится мне маленькая соседка: боевая, ничья. Жаль, заварка кончилась — посидели бы, чайку попили.

Купил водки. Российской. А на этикетке по-украински. Какой-той прямо Севастополь.

Под утро долго снились цифры — немного, штук шесть — и слегка раздражали. Проснулся, записал, чтоб не забыть. Оказалось, номер моего рабочего телефона. Теперь понятно...

Раньше думал, что победа все же важнее участия. Сейчас наоборот: все чаще хочется участия — простого, человеческого. Какие уж там победы...

Пряников принес. Оказались совершенно непечатными: даже не ловко как-то.

Соседка подарила наручный компас. Теперь всегда могу узнать курс доллара. Хотя зачем, собственно?

Улитка, улитка, сколько мне жить? Молчишь... Видно, недолго осталось.

«Голубая простыня —
это вещь не для меня».

Вот ведь ерунда какая! Зато в рифму. Записал на всякий случай.

Принесли повестку: «Настоящим предлагаю...» Это я-то настоящий? Смешно! Перечитал «Повесть о настоящем человеке». Повестку выбросил.

Что за нож! Из него даже начальника не застрелишь. Да и зачем его стрелять — в сущности, неплохой мужик. А нож все равно дрянь.

Странная она, моя маленькая соседка: пригласил ее на чашечку кофе с коньяком. «Сейчас», — говорит. Через пять минут заходит с подносом таким, небольшим, а там — чашечка с кофе и коньяк в малюсенькой рюмке. Утверждает, что так привыкла. И от лимона отказалась, хотя конфету для дочки взяла. Самую маленькую.

Похоже, простудился. Вдруг стишок сочинился:

«Я говорил знакомому врачу:

— Пришей мне крылья,

я летать хочу;

мне мало этих ног и этих рук.

Пришей мне крылья,

если ты хирург.

Мне высота любая по плечу —

пришей мне крылья,

мигом полечу.

А врач в ответ, спокоен и плечист:

Ты лучше не летай, а полечись.

О, как знаком унылый перепев!

Врач, верно, не хирург, а терапевт...

Вот ведь! К чему бы такое? Может, еще расту? На всякий случай записал.

Ежи уже неделю не топчут, я даже соскучился. Старушка давешняя зашла — заплаканная: пропали три ее любимых котенка, ангорских. А у меня вот ежи что-то затихли... Поднялся со старушкой на чердак — нашлись! Там они все, спят: ежи клубочками, котята — калачиками. Подстелили аккуратно газету «Моряк» за август восьмидесятого года — и спят.

Что-то давно я не женился...